

ЮНОСТЬ

9 '87

Умолкшія холмы, доль некогда кровавый,
Отдайте мнѣ ваш дѣнь, дѣнь вековѣчной славы,
И шумъ оружія, и сѣчи, и борьбу!

Бородинское полѣ.
(Элегія)
Денись Давыдовсь

Виктор
ЧЕРКАСОВ,

электромонтер
Московского
мелькомбината
№ 4

ПОЧЕМУ Я ВСТУПАЮ В ПАРТИЮ

Лично для себя многое из происходившего в стране до апрельского Пленума (1985 г.) ЦК КПСС я объясняю термином «кабычегоневышлизм». Те, кто вырезал из «Правды» стихотворение поэта под этим названием, поймут, о чем я говорю. Эти люди не давали дышать стране на полный вздох. Скрывали правду о реальном состоянии дел. И произошло страшное: народ стал равнодушен к своей стране. Считалось, скажем, нормальным пришивать подметки к безобразного покроя туфлям — потом они горами громоздятся на складах — пусть, лишь бы зарплату платили. Забиваешь болт молотком в комбайн — что поделаешь, конец месяца! — и тебя не колышет, на Украине или в Казахстане комбайн развалится.

Конечно, уходящее это явление — «кабычегоневышлисты», но и сейчас они составляют ядро тех, кто давит на тормоза перестройки.

Ну, скажем, простые вещи: гласность. Вот если бы у нас на комбинате каждый день выходила собственная многотиражка, которая точно и правдиво говорила о наших делах, о положении в отрасли, о том, почему мы не справляемся с планом, кто его составлял и как, о недочетах администрации, о предложениях рабочих... А мы пока толком не знаем, что творится в соседнем цехе. Представляете, сколько бы пользы принесла эта маленькая наша рабочая газета. То, что говорится только во время перекуров да в бытовках после смены, выплеснулось бы на ее страницы и заставило каждого из нас живее жить жизнью комбината. Мы хотим работать лучше и понимаем, насколько это «лучше работать» связано со словами «лучше жить». К сожалению, «кабычегоневышлизм» въелся в нас глубоко. И мы опасаемся. Чего?! На июньском Пленуме Михаил Сергеевич Горбачев и на этом поставил точку: «...уверен, что самая большая ошибка — это боязнь ошибиться... Боязнь ошибиться особенно губительна: она парализует волю, сдерживает усилия по преобразованию общества».

Главное, что произошло за два с небольшим года, — слову «партия» стал возвращаться прежний смысл, ленинский. И скорее всего из-за революционности происходящих в стране перемен.

Все мы явственно ощущаем, что пленумы партии: апрельский, январский, июньский, съезд партии — это словно ступени вперед и вверх. И главное, что приобретается каждым из нас в этом движении, — чувство гражданственности. Я назвал это главным, потому что сломлено то, что меня всегда удивляло и страшило: равнодушие к своему труду. Страна начинает учиться жить сообща. И благодаря коренной перестройке управления экономикой уже совсем небезразлично — аккуратно закрутишь болт ключом или вгоняешь его молотком.

Июньский Пленум нам, рабочим людям, важен тем, что возрождает смысл очевидной формулы «каждому — по труду». Но разве только от нас зависит, каким будет этот труд. Оборудование, на котором мы работаем, — старое, и устарело оно в первую очередь морально. От штурмовщины еще неизвестно когда избавимся. Считай, каждое воскресенье в конце месяца рабочее — план спасаем. Оборудование не тянет, косимся всю смену, подлатаваем. Надо бы не на заплатах выезжать, а переоборудовать комбинат в корне. На Раменском комбинате я был: швейцарцы мельницу смонтировали — фирма! Красивая техника и автоматика полная. Злость берет: да неужели мы не способны такую же сделать? Где наша советская «фирма»?!

Я после армии окончил техникум. Поздновато, конечно, спохватился, что учиться надо, но сейчас уже в институте на заочном... Это же все сразу реализуется. У меня на счету шесть рацпредложений.

На хозрасчет сейчас перейдем: как наработаешь, так и получишь. А зарабатывать хорошо еще не скоро будем. И техника подводит, да и у специалистов не хватает. Б. Н. Ельцин недавно говорил, что в Москве из ста двух коллективов, перешедших на самофинансирование, только ЗИЛ и станкозавод имени Орджоникидзе сводят концы с концами.

Но с мертвой точки дело сдвинулось. На июньском Пленуме партии опять машиностроителей подстегнули — должно наконец появиться нормальное оборудование.

Я родился и вырос на легендарной Красной Пресне. И дед и отец мой были рабочими. Здесь, на Красной Пресне, мы дали первый бой самодержавию, и наши баррикады стали символом 1905 года. Здесь в 1917 году рабочие отряды делали Октябрьскую революцию. В 1941 году отсюда уходили на великую битву ополченцы. Это наша родословная. Всё сдюжили. И нам ли сейчас уходить от вопросов и вопросиков «кабычегоневышлистов»? Сила в нас огромная, и правильно сказал Михаил Сергеевич Горбачев: «Нам нечего бояться новизны проблем, новых открытий, новых подходов в идейно-политическом процессе. У нас хватит разума, сил и умения, чтобы по-ленински вести работу в условиях перестройки, не приходя в восторг от каждого ее успеха, но и не впадая в уныние, тем более в панику, когда обнаруживаются какие-то негативные явления.» Я вступаю в партию, потому что вижу свое место среди тех, кто идет в первых рядах перестройки.

Виктор Черкасов только что вышел с заседания бюро Краснопресненского райкома партии г. Москвы. Он стал членом Коммунистической партии. Впереди много дел.

Уравнение
с пятью
неизвестными

Нас упекают:
«Мы видели заседание
«20-й комнаты»
по телевизору, живете
вы замечательно,
но почему не публикуются
стенограммы
ваших заседаний?
Это же все очень интересно!
Людмила Васильева,
г. Москва ».

Упрек принимаем
и приглашаем вас
на разговор о школе.
— Должен ли ученик
безоговорочно принимать
все, что говорит
учитель?
— Почему школьный
комсомол ведут
за ручку взрослые?
— Литература: сон разума?
— Зачем мы «убиваем»
время на УПК?
— Реформа школы —
это перестройка
или самообман?
Мы едва успевали
реагировать.
Вопросы сыпались
как из рога изобилия.
И тогда мы решили
остановиться,
пошли заварили
крепкого чая
и начали искать ответы.
В конференц-зале
редакции
после трех часов
бурных дебатов
воцарилась тишина.
Воспользуемся ею
и представим участников
«круглого стола»:
Валера АНАТОЛЬЕВ
Наташа КОНОНЫХИНА —
выпускники школы № 66,
Лена ПОДОСЕНОВА —
десятый класс
спецшколы № 65,
Оксана САРКИСЯН —
студентка
педагогического
института,
Ира ЛАНСКАЯ —
член «20-й комнаты».

НЕИЗВЕСТНОЕ ПЕРВОЕ: АКСИОМА ИЛИ ТЕОРЕМА?

- Встань!
- Дай дневник!
- Выйди вон из класса!

Над классом повисла гнетущая тишина. Каждый, хоть он и ни в чем не виноват, невольно опускает голову. Голос учителя — громкий, резкий, загоняет душу в пятки.

— Ну, я кому сказала! Быстрее!

Провинившийся поднимается из-за парты, медленными шагами подходит к учительскому столу, кладет свой потрепанный дневник и выходит.

— И чтоб без родителей не появлялся!

Дверь хлопает. Все, теперь можно вздохнуть свободно. Урок продолжается.

Признаться, это самое яркое воспоминание, которое осталось от школьных лет. Да, были и походы, и комсомольские собрания, и сборы макулатуры, и выпускной вечер... Но запомнился только голос учителя. И еще ощущение, что ты в чем-то виноват. Почему? Потому что описанная ситуация повторялась из года в год, из урока в урок.

Какими должны быть отношения между учителем и учеником? В школьной реформе этот вопрос даже не упоминается. Да и зачем его упоминать, когда и так все ясно. Учитель — «ваятель духовного мира юной личности», «доверенное лицо общества». Он учит учеников. А ученики учатся.

ОКСАНА: «Я как-то пришла к нашей учительнице по истории и говорю: вот я читаю сейчас Ленина, пытаюсь что-то осмыслить, доказать себе... На меня смотрят большими глазами и начинают говорить: «Да как ты можешь доказывать себе Маркса, Ленина! Это же такие головы, ты никогда не можешь додуматься до того, что они». Я говорю: «Так что ж, я должна это все на веру принимать?»

ВАЛЕРА: «Возник у нас как-то спор о гуманизме по пьесе Горького «На дне». Прав или не прав Лука? У ученика возникло свое мнение, он по-другому понял какой-то момент, учитель же должен поддержать разговор, выслушать его точку зрения, аргументировать свою и в споре прийти к истине! Что же происходит на самом деле? «Да какое ты имеешь право, да великие критики писали вот так-то! Что у тебя за мысли!»

Педагог кричит на ученика за то, что у него родилась какая-то своя мысль! Может быть, это просто плохой педагог? А может быть, дело не только в педагоге?

Мы привыкли подчиняться. Нас приучили подчиняться. Приучили со школьной скамьи. Приучили обязательно приводить в сочинениях мысли великих критиков, приучили зубрить мысли авторов учебников, приучили запоминать мысли учителей. Разговора о каком-то самостоятельном мышлении учащихся, при всех благих пожеланиях, до сих пор серьезно не велось. Разве что учителя-новаторы пытались создать личность, а не «запоминающую машину».

Сейчас много говорят об «инерции мышления», которая является главным препятствием на пути перестройки. А откуда она взялась, эта инерция? Не со школьной ли скамьи, на которой ученик выступает в роли губки, которая впитывает в себя все, что на нее льют. Разумеется, сейчас уже никто не учит, что Пушкин — «провозвестник светлого коммунистического будущего», а Есенин — «упаднический поэт». Сейчас учат другое.

Мы приходим в школу учиться. Но зная наизусть мнение Белинского или Писарева, закладывая фундамент, мы не строим здание наших знаний еще выше, вверх, чтобы при всем своем уважении к Виссариону Григорьевичу иметь и собственное мнение.

ОКСАНА: «Даже такой предмет, как литература, где художественные произведения отличаются тем,

что каждый их понимает по-своему, стараются подвести под одну черту, заставить думать одинаково».

Но трудно, очень трудно подавить стремление к самостоятельности. Не случайно «День дублера», когда ученики сами ведут уроки, возник именно по их предложению. Но что получается?

НАТАША: «Решили мы прошлой весной провести День дублера. Я преподавала литературу. За день до урока подходит ко мне учительница и говорит: «Возьми мой конспект, почитай, там все написано» и дает мне листочек, на котором опять пережевываются прописные истины. Я отказалась. Дальше. Идет урок. Поднимают руки. «Металлисты», которых я боялась, поднимают руки и отвечают, понимаете, хорошо отвечают! И не потому, что учебник выучили, а потому, что сами думают! После урока подхожу к учительнице, чтобы отдать ей листочек с отметками, которые я поставила, а она мне: «Не нужно, я сама знаю, что поставить».

В современной школе учитель поставлен в положение истины в последней инстанции. И пока существует такая система, пока учитель не слышит ученика, любая самостоятельность будет давиться на корню. Зачем она нужна? Ведь без нее гораздо спокойнее!

НЕИЗВЕСТНОЕ ВТОРОЕ: ПОЧЕМУ НАС ВЕДУТ ЗА РУЧКУ?

ВАЛЕРА: «А как собрания проводятся: обязательно президиум, обязательно на сцене — наверху, над всеми, обязательно присутствует директор, учителя — а вдруг они там чего не скажут?»

О бедах и проблемах комсомола в последнее время было сказано более чем достаточно. И одна из самых болезненных точек Ленинского Союза молодежи — комсомол школьный.

ВАЛЕРА: «Сидят люди на комсомольском собрании и думают, как бы поскорее отсюда уйти. И это постоянно. Не было еще ни одного комсомольского собрания, на котором что-то бурно обсуждали. Один раз оживились, когда речь зашла об общественно полезном труде, да и то потому, что всем надоело молчать. Я понимаю, надо начинать, надо что-то делать, но мне просто страшно становится от всего этого».

ЛЕНА: «Но почему в пятом классе все рвались делать, а сейчас всем все равно?»

ВАЛЕРА: «Я брался за все, что угодно, но в конечном итоге я не видел результатов своего труда. Не видят люди конечных целей своих, ни того, что это кому-то надо, ни того, что Родине помогаем, как нам любят говорить. И с октябрьского, пионерского возраста человек обрывает непробиваемой корой. Сейчас говорят: старшеклассники — эгоисты, пассивные. Да все они вначале были самыми активными. Сами нас такими сделали, а потом говорят: переизбраньтесь».

ОКСАНА: «Понимаешь, вся школьная опека до такой степени расхолаживает народ, что они делом заниматься не могут. Они привыкли, что их ведут за руку учителя...»

Можно осуждать школьников за пассивность, за нежелание учиться, за плохую дисциплину. Но давайте посмотрим в корень. Почему они такие? Почему нашей школе понадобилась реформа? Не потому ли, что учителя с первого класса возвышаются над учениками, не давая им шагу свободно ступить? Не потому ли, что действующая ныне Система Просвещения задавила своей мощью самое главное — живую жизнь?

НЕИЗВЕСТНОЕ ТРЕТЬЕ: СОН РАЗУМА?

Сочинение по литературе. В классе висит сонная тишина. Тем, кто сидит на последней парте, повезло больше всех — они откровенно спят. Остальные му-

чаются от скуки. До конца урока еще двадцать минут, а все уже давно написано. В чем дело?

«Ученики! Учтите впредь,
Чтоб не бояться сочинений,
Вполне достаточно иметь
Набор простых определений:
Пишите, что поэт — пророк,
А Гоголь высмеял порядки,
Что Фамусов — плохой и гадкий,
А Чацкий больше не ездки.
Базаров обогнал свой век,
Онегин — сложная натура,
Печорин — лишний человек,
Дикой же — образ самодура,
Герасим утопил Муму...
Вот вам и вся литература».

Вот такая «шпаргалка». Все просто, ясно. Не нужно думать. Нужно помнить.

Прямо на заседание нам принесли письмо А. В. Чирканова из Горьковской области, которое мы публикуем без комментариев, так как считаем, что они излишни.

«— Здравствуйте, садитесь. Кого нет? Все здесь. Хорошо. Дома вы читали лирику Лермонтова. Давайте попробуем проанализировать какое-нибудь стихотворение. Ну, например, вот это:

Горные вершины	Не пылит дорога,
Спят во тьме ночной,	Не дрожат листья...
Тихие долины	Подожди немного,
Полны свежей мглой.	Отдохнешь и ты.

Как вы думаете, о чем писал поэт? Что он хотел сказать?.. Ни-у? Никто ничего?.. Ты что думаешь?

— А чё я-то? Ну, вышел он там... Похорошело ему... взял и написал...

Детский смех.

— О, Тамара хочет дополнить. Пожалуйста, Тамара. Дети, тише!

— Вы, вероятно, знаете, что в последние годы своей жизни великий русский поэт Лермонтов постепенно погружался в желчную меланхолию. Он был мрачен и замкнут. Данное произведение служит рупором его идей. Описывая прекрасную природу, поэт в замаскированной форме грустит о ее первобытной неподвижности, о смерти. На Кавказе в то время свободолюбивые горцы вели справедливую освободительную войну против царских войск, и поэт, вынужденный помогать самодержавию, бесконечно страдал от этого. Контраст между величием природы и низменными, своекорыстными замыслами царя составляет основную мысль произведения. Вторым планом проходит аллегорическое изображение жизни. Горные вершины ассоциируются с вершинами человеческого духа. Спят во тьме — это значит, что духовные силы общества задавлены самодержавием: был убит Пушкин, травили и самого Лермонтова. Тихие долины — это обывательская, мелкокупеческая среда. Свежая мгла — олицетворение наступления реакции. Дорога — символ движения человеческого разума. Не пылит — царизм душит ростки сознания, нет движения мысли. Листья деревьев с давних пор были олицетворением нежных душевных порывов человека, его эмоциональной жизни. То, что листья не дрожат, означает следующее; не только разум, но и сама внутренняя жизнь человека задавлена. Везде проходит подтекстом символ тьмы, то есть мракобесия, олуштившегося на Россию. Последняя строка выражает пессимизм поэта. Только смерть в конце дороги, то есть жизни, несет человеку отдых, а сама жизнь задавлена тьмой, тиранией, самодурством и невежеством.

— А как мыслишь ты, Дима?

— Я согласен с объяснением аллегорических символов, но категорически против подобного толкования последней строки и мировоззрения поэта в целом. Конечно, Лермонтов знал об уготованной ему участи. Но Михаил Юрьевич никогда не был пессимистом. Сожалел о невозможности свободной и счастливой жизни, он мечтал о светлом будущем. И в целом стихотворение несет в основе идею борьбы, а не упадка.

Каждый, сознающий себя Человеком, должен принять участие в борьбе. Борцов мало, они неизбежно падут, и это грустно, но на их место придут другие. И только убедившись, что твое дело не пропало, можно выпустить из рук винтовку и позволить себе умереть: «Подожди немного, отдохнешь и ты».

— Ни-да... это... Нет, мне нравится, конечно, ход ваших мыслей... Но неужели вы в самом деле не прочитали в сюэске, что это — перевод с немецкого? Гете?

— А разве Гете не был революционером? (Постскриптум: «Сон разума рождает чудовищ». Гойя»).

Так не является ли главной задачей реформы разбудить этот разум, научить его работать?

НЕИЗВЕСТНОЕ ЧЕТВЕРТОЕ: ЛИШЬ БЫ УБИТЬ ВРЕМЯ?

«Стержневой основой реформы является коренное улучшение трудового воспитания и профессиональной ориентации школьников, соединение обучения с производственным, общественно полезным трудом. Время на трудовое обучение увеличено почти в два раза».

ЛЕНА: «Четыре часа в неделю мы должны отрабатывать — «приносить пользу». Но что мы делаем? Даем один несчастный кабинет каждую неделю с порошком, помимо того, что его каждый день дежурные убирают. Это же бессмысленно!..»

Парадокс, но истинного труда — трудной работы, которая требовала бы отдачи, была бы настоящим делом, которого так не хватает сейчас молодежи, в школе и нет! Трудовое воспитание, называю его так лишь условно, основывается на мытье коридоров (стен, парт и т. д.) и подметании школьного двора. Варианты (окапывание деревьев, покраска забора) редки и не слишком разнообразны.

ВАЛЕНА: «Мы как-то решили провести эксперимент. Взять на социалистическую сохранность один самый грязный этаж. Это хоть имело смысл. А ставки уборщиц пошли в комсомольский фонд. Но знали бы вы, какие здесь были трудности, чтобы это выбить и объяснить, зачем нам это надо»...

«Каса эн кампо» — по-испански — «школа в поле». На Кубе такие школы труда очень популярны. Первая половина дня отводится урокам, а во второй ребята (каждая группа под своим флагом, идет соревнование) ухаживают за овощами, работают в альпийских, лимонных рощах. Выращенные овощи и фрукты частью идут на продажу, частью — в школьный буфет.

Мы говорили о трудовом воспитании, как же обстоит дело с трудовым образованием — профессиональной ориентацией школьников? Реформа общеобразовательной школы предполагает развивать сеть межшкольных учебно-производственных комбинатов, предусмотрено, что каждый выпускник средней школы будет владеть одной из массовых профессий...

НАТАША: «Угадайте, кто я на УПК? Я кому говорю — никто не верит, потому что еще не видели ни одной девочки электромонтажницы. Как все происходило. Говорят нам: «Ребята, выберите себе специальность!» Хотела быть металловедом — «Извините, у нас три металловедов на класс». Как ни ходила, ни просила, ни доказывала, меня не взяли на эту специальность. Сказали: «У нас еще остались электромонтажники. Идите туда». Так стала электромонтажницей. Что из этого имею: сдала экзамен на «пятерку». Еще отвечу, что такое биполярный транзистор (это было в билете), но что такое конденсатор или еще что-нибудь — я не скажу. Кому нужны были эти дутые оценки по УПК? Я списывала все контрольные у ребят, на виду у преподавателей, мне никто ничего, разумеется, не говорил. И зачем мне все это надо было, я не понимаю»...

ВАЛЕНА: «Я слесарь сантехнических работ. Привели нас на завод, говорят: «Вот, ребята, ваш уча-

сток. Здесь вы будете помогать Родине, докажите своим конкретным трудом, на что вы способны». (Участок, кстати, очень ответственный, когда мы туда ходили, у нас проверили все сумки, все карманы.) Приводят нас к такому старичку, классный мужик, получает кучу денег, передовик производства, и вот он говорит: «Ну, что, ребята, сегодня мы с вами по-настоящему снятием заусениц». Мы понимаем, надо, конечно, с азав начинать — напильник в руки брать... Неделю назад было последнее занятие. Спустя полтора года мы занимались тем же, что в первый день, и у каждого в кармане лежало свидетельство: «следователь четвертого разряда»...

А вот еще сценка из нашей «практики»: на проходе лежит грудка кирпичей. Ее надо перенести, чтобы не мешалась. Можно взять тележку и за три минуты все перевезти. Но, ребята, вы работаете три часа. Поэтому давайте берите-ка по пять штук в руки и не торопясь относите. Понимаете, он нам так и говорил: «Отнес стопочку. Сел. Отдохнул. Подумал. Встал, не торопясь пошел за другой».

Мы просто убивали время».

Конечно, не везде дела обстоят таким образом. У нас есть замечательные мастера и преподаватели УПК, есть специально разработанная система тестов, помогающая восьмикласснику разобраться в профессиях и специальностях. Но это исключение из общего печального правила, хотя должно быть наоборот.

Сфера обслуживания в столице ЧССР — Праге, стремительно молодеет. Главная заслуга в этом комбината молодежных услуг, который существует с 1975 года. До этого он имел дело только со студентами, но спрос на молодые руки в Праге постоянно растет, рабочей силы здесь хронически не хватает. В помощь студентам решили привлечь и старшеклассников. Главная функция комбината молодежных услуг — организационная, он принимает заявки от предприятий Праги и направляют туда молодежь. В рабочей спецовке проводят часть свободного времени около семи тысяч студентов и пяти с половиной тысяч школьников.

Думаю, нам стоит серьезно поразмыслить над этим, если мы действительно хотим воспитать осознанную потребность в труде.

«Кто в молодости не связал себя прочными связями с великим и прекрасным делом или по крайней мере с простым, но честным и полезным трудом, тот может считать свою молодость бесследно потерянной, как бы весело она ни прошла и сколько бы приятных воспоминаний ни оставила»... (Д. И. Писарев).

НЕИЗВЕСТНОЕ ПЯТОЕ: ПЕРЕСТРОЙКА ИЛИ САМООБМАН?

Школьной реформе — три года. Ее основные положения затрагивали изменение структуры школы (одинадцатилетнее обучение с нулевыми классами шестилеток), пересмотр школьных программ и введение новых предметов («этика и психология семейной жизни», «основы информатики»), повышение роли трудового воспитания. Пересмотр, повышение... И ничего, что бы кардинально перестроило работу школы,

Реформа пробуксовывает. Она явилась только попой нововведений, и думаю, это не случайно. Наша школа слишком заформализована, чтобы ей помог «косметический ремонт», а реформа, увы, является именно им, да еще не доведенным до конца. Школе нужны революционные преобразования — революция. В первую очередь — коренная ломка императивного сознания учителя.

ВАЛЕРА: «Две профессии, где люди должны работать по призванию и иметь талант: медицина и педагогика. И я считаю, в педагогике — в первую очередь!»

ИРА: «У меня, собственно, в школе были довольно сильные предметники, но не было у нас учителя, к которому у чисто по-человечески хорошо относилась бы, которого считала бы не учителем, но Человеком».

НАТАША: «Нам говорят: «Перестройка начинается с себя». Перестройся ты, за тобой — все вокруг, и все будет прекрасно. Но, учителя несколько не изменились. Учитель уверен, что он уже был перестроен со дня своего рождения и ему перестраиваться не надо, только нам»...

Еще совсем недавно основными требованиями воспитания детей были порядок, дисциплина, послушание. В школе им. Владимира Башева (Болгария, г. София) их заменили взаимное выслушивание, дружеский спор, свободное высказывание мнений. Школьники не только легко воспринимают новости в преподавании и воспитании, но для них школа стала самым интересным местом.

Болгарским школьникам можно только позавидовать: педагогике конфликтов сменила педагогика сотрудничества. (Это основа систем Амонашвили, Шаталова и Щетинина, Ильина и других советских педагогов-новаторов).

Внедрение и самое широкое распространение этой педагогики — вот в чем должна заключаться реформа школы, вот путь, который действительно принесет реальные плоды, и поверьте, более наглядные, чем смена нашими старшеклассниками коричневых платьев на синие костюмы.

Основной «неформальной педагогикой» являются ролевые игры, что закономерно. В нашей стране еще в 1981 году в Научно-исследовательском институте общих проблем воспитания АПН СССР была образована лаборатория игровой деятельности школьников. Рождение лаборатории при Академии педагогических наук было отнюдь не открытием, а лишь долгожданной «первой ласточкой», которую наконец-то выпустили. Прошло шесть лет. Какая школа может похвастаться применением на практике ролевых («деловых») игр?

«Разве ты не знаешь, что во всяком деле самое главное — это начало, в особенности если это касается чего-то юного и нежного. Тогда всего более образуются и укореваются те черты, которые кто-либо желает там запечатлеть»...

(Платон, IV век до нашей эры).

Школа. Реформа. Будущее страны. Связь очевидна. А положение на сегодняшний день тревожное. По данным анонимного анкетирования ряда московских школ, собственная школьная ситуация интересует лишь 49,8% учащихся, остальным все равно, скорее бы закончить учиться. Над этим стоит задуматься.

Мы говорим о демократизации всего нашего общества. Почему же идеи демократизации, ставшие нормой в экономике, культуре, до сих пор не дошли до школы? Школа оказалась в хвосте общественных процессов, а надо бы наоборот! Выборы директора на РАФе, в Артеке... А почему не директора школы? Аттестация рабочих мест, комсомольская аттестация... А почему не аттестация учителей учениками? (Обратное-то считается нормой.) Вопросов много и «неизвестных» в нашем уравнении тоже не пять — намного больше.

Чай давно остыл. За окнами наступил вечер, а еще о столько не было сказано. Но, пожалуй, главное прозвучало: для того чтобы вывести школу из тупика, в который она зашла, нужны не только одиннадцать миллиардов рублей, выделенных из госбюджета на реформу школы, нужен принципиально новый тип мышления учителя.

Только тогда учителя и ученики перестанут быть по разные стороны баррикад, лишь тогда станет явью наш прекрасный сон — школа, построенная на доверии и уважении.

Вероника МАРЧЕНКО, Георгий ИЛБИЧЕВ

Перестройка — что я могу?

Мы выбрали из редакционной почты именно эти письма, поскольку они, на наш взгляд, отражают позицию части грудящейся молодежи. Молодые сограждане задают извечный вопрос: «Как жить?» Пытаясь осмыслить свое место в сфере производства, они нагалькиваются на проблемы, решить которые не в силах. И выход из этой ситуации видят лишь в действиях своих непосредственных руководителей. Проще говоря, живут в ожидании очередной директивы «сверху».

Конформизм, ощущение постоянной зависимости от внешних обстоятельств въелись глубоко. Но без самостоятельности мышления нельзя добиться экономической самостоятельности, о настоятельной необходимости которой было сказано на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Ни завод, ни магазин, ни любое другое предприятие не смогут перестроить работу, пока каждый член коллектива не заявит о своем участии в общем деле. Формула этого участия весьма проста: предлагать и добиваться. Сегодня вопрос «что я могу?» должен быть адресован не кому-то из окружающих, а самому себе.

Есть ли рядом с тобой такие деятельные люди? Что сам ты уже сделал для перестройки? Напиши нам.

Где лучше?

Я молодой рабочий, мне 21 год. После службы в армии я пришел на завод «Орбита» учеником наладчика станков. И с первых же дней столкнулся с «перестройкой». Но не с той, о которой читал в газетах, не с той, о которой нам рассказывали в части на политзанятиях, а с той, что идет на нашем заводе. Впрочем, про завод полностью говорить не имею права — работаю всего несколько месяцев. Про свой цех скажу.

Перестройка у нас идет не на деле, а на словах. Говорят, никаких авральных работ, но «авралим» по ночам и субботам. Потому что отработали о пуске станков лазерной нарезки. Нам, естественно, «спустили» на них план, а станки и не работают. Гоним про-

дукцию на «старичках», что лет по десять без капитального ремонта работают. План, конечно же, горит синим пламенем. Рабочие теряют в зарплате. Когда начинаем выяснять отношения, выходит, что сами во всем виноваты, поскольку сами же и отработовались.

Один пожилой наладчик мне сказал: «Ты, парень, не туда пошел. Здесь первые пять-шесть лет больше 150 рублей никогда не заработаешь. Это твой «потолок». Я понимаю, что не все сразу, но пять-шесть лет... И очередь на квартиру минимум лет десять... Что делать, искать «где лучше»?»

С. МУРЗАКОВ.

г. Горький

Долг Продавца Красит

Это может показаться странным, но мне ни разу не приходилось слышать о перестройке в торговле. В чем она должна выражаться? Как происходить? И эти вопросы задаю я — продавец. Мне 20 лет, учусь заочно в Харьковском институте общественного питания. Сейчас я в декретном отпуске, а до этого три года проработала в торговле. Когда устраивалась на последнее место работы, меня, девятнадцатилетнюю девчонку, взяли сразу на должность зав. отделом (!). Потом только я узнала, что на это место никто не хотел идти...

У нас почему-то бытует мнение, что если человек работает в торговле, то он мошенник. А слово «продавец» обозначает то же самое, что слово «вор». Но ведь это неправда! Знали бы вы, покупатели, как приходится расплачиваться продавцам за свою работу! Например, получили мы как-то настоящие перекидные календари по цене 5 рублей за штуку. Два ящика, по двадцать штук в каждом. Это по накладной. Вскрыли, а в одном — пятнадцать, в другом — восемнадцать штук. И кому что докажешь — ящики-то вскрыты. У нас в магазине идет «мелочевка» — ручки, блокноты, тетрадки. Проверять «начинку» всех упаковок сразу же нет никакой возможности. А за четыре месяца мы обнаружили восемь случаев заводских «недовложений». За них потом из моей зарплаты по полной стоимости удерживали.

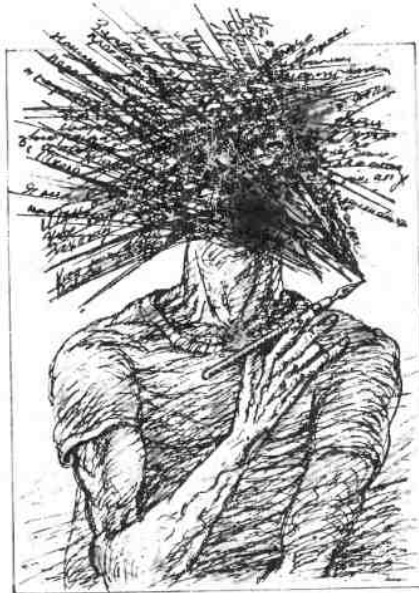
А что творят сами покупатели? Однажды мы получили товар. За прилавком остался один продавец, другие разгружали машину, переносили товары в подсобку, вскрывали упаковки, отбирали часть вещей для продажи. Продавец в зале тоже был занят раскладкой товара. Когда закончили работу, выяснилось, что дальнюю витрину выдавили и кто-то украл несколько штук часов.

Вы знаете, почему на дверях почти каждого магазина в нашем городе висят объявления: «Срочно требуется продавец»? Да потому, что таскать тяжести (упаковки бывают по 70 кг), выстаивать целый день на ногах, выслушивать обидные слова и при этом все время платить, платить, платить — за обман поставщиков, базы, за воровство покупателей, за разбитую витрину, за испорченный товар — никто не хочет! Я, например, за год работы выплатила 630 рублей. Теперь вся в долгах...

Прошу прощения за то, что не указываю своей фамилии и места работы, поскольку боюсь крупных неприятностей. Я уже обращалась и к руководству магазина, и к руководству нашего объединения, и мне, мягко говоря, «надавали по шапке». Но делать ведь что-то надо!

Алиса Е.

г. Харьков

«Если честно, то...»

На четвертом заседании мы задали двадцать вопросов, на которые уже успели получить более двух тысяч ответов. Нам хотелось каждому сказать добрые слова за откровенность, с которой делились с нами сокровенными мыслями, за то, что безоглядно и доверчиво рассказывали о своих юных и вовсе не простых судьбах. Монологи были честны и даже несколько беспощадны по отношению к себе, словно исповедь.

Готовя письма к печати, мы не стали сглаживать острых углов, не перекраивали точку зрения автора по привычному некогда шаблону. Нам показалось важным сохранить и шероховатости языка, и свойственную возрасту некоторую мешанину в мыслях. Хотелось как можно рельефнее представить в этой исповеди мировоззрение молодого нашего современника.

Сегодня мы публикуем первую главу этой необычной документальной повести и снова ждем писем...

«А нужны ли кому-нибудь личности?»

С чего же начать? Первое, что бросается в глаза, это представление о всей молодежи, как одинаково бунтующей. Отличие только в длине волос, заклепках и других атрибутах. Но воинствующей молодежи — ничтожное количество, а говорится же только о ней. Получается, что личность тот, кто выделяется, кто ищет конфликт. А если конфликт в душе, — кого он интересует?

Я родился в год смерти Сталина. Какая это была эпоха, знаю только по рассказам, но уже помню (я жил в деревне), как сельсовет облагал налогом каждую курицу, каждое деревце в саду. Как дед работал в шахте и ему урезали приусадебный участок до мизера, и ладно бы колхоз пользовался, а то все заросло бурьяном.

В сельской местности все были примерно равны, поэтому контрастов по материальным возможностям не было. В городе же были и стилиги, и хиппи. Ими становились ребята, которые хотели выделиться. Но их больше ничего не интересовало, ни один из них не стал настоящим человеком. Потому что не имел осознанной цели и не ставил ее перед собой.

Сам я принимаю любое поведение человека. Меня это не шокирует, каждый имеет право на свободу, самовыражение. Если это не грозит жизни и здоровью других. С этой точки зрения с молодежью все нормально, настаивают претензии на исключительность, тяга к потребительству. Молодежь была всегда, всегда она чем-то не нравилась старшему поколению!

Почему мало что разрешается, а многое запрещается? Почему нет уважения к конкретному человеку? Почему все обращения вплоть до «цветы не рвать» даются в командном тоне? Это оскорбляет человека, личность, и вся надежда на то, что молодые осознают себя личностями и не позволят больше считать себя «винтиками».

Легче всего «не брать в голову». Большинство так и живет. Часть шарается из одной крайности в другую: у кого — спорт, у кого — видео, кто беседует с духами и медиумами. И даже обычные хобби — это выключение из общественного механизма. Мы не хотим понять себя, что уж говорить об окружающем мире. В нас вливают цитаты и лозунги с самого рождения, нас программируют, как ЭВМ, а когда программа стала давать сбои, забили тревогу. Оказывается, личности не нужны, они мешают. Личные качества не играют роли. Такого человека терпят, пока

он тянет за троих, но и высоко не пустят. Пойдет в ход все, от подлога до анонимок.

Давно у нас не показывали китайский мультфильм из 60-х годов про дракона, который сторожил сокровища. Много честных людей ходили его уничтожить, но много веков никто не возвращался. Оказывается, его побеждали, но при виде сокровищ превращались в такого же дракона. Что-то похожее происходит иногда и у нас, стоит человеку прийти к власти. А мы еще призываем добровольно от этого отказываться. Абсурд?! Три-четыре года — крайний срок, затем руководителя надо менять, иначе бюрократизм не изжить.

Вопросов, вижу, задаю не меньше вашего. Еще бы хотелось знать, что же такое народ. Чьим именем все делается, но к чему мы по отдельности не имеем отношения. Сможем ли мы себя почувствовать личностями когда-нибудь? Или так и останемся марионетками?

С уважением

Алексей БЫЧКОВ

«Кто даст гарантии, что перестройка не отступит?»

Товарищи! Мне нравятся ваши 20 конкретных вопросов, но я считаю, что среди написавших письма может оказаться большое количество тех, кто не имеет опыта самостоятельной жизни, кто брюзжит о своей личности под юбкой мамы-горяшки или под крылышком папаша-администратора с грозной папкой и неограниченными возможностями. И напишет эта «личность» вам по той простой причине, что вы обещаете опубликовать их «исповеди». Но это будет не исповедь, а цинизм, молчать о котором не надо, но и печатать как исповедь не следует.

Я уже не юный современник, мне — 25, но чувствую себя тридцатилетним и выгляжу таким же.

Моя жизнь с сегодняшним Временем не совпадает: я — дальше, я — впереди. Понимаю, что необходимо ускорение в экономике, иначе мы политически обанкротимся (В. И. Ленин сказал: «Политика — есть концентрированное выражение экономики»), понимаю, что необходима и возможна перестройка в экономике. Но не принимаю перестройки сознания. У С. Есенина в поэме «Пугачев» есть такие строчки:

«Человек в этом мире — не бревенчатый дом,
Не всегда перестроишь заново».

Считаю, что мыслить я умею, потому что могу независимо от чьего-либо мнения оценить действия, поступки других людей. Но советовать не берусь, сам еще слишком молод. Силы еще есть для того, чтобы оставаться независимой личностью, но мне кажется, что еще иногда для этого нужны и средства в прямом и переносном смысле.

Не так сильно чувствую себя оскорбленным, если человек накричит на меня, даже обругает нецензурной бранью, знаю, что это пройдет... Но честь и достоинство мое бесконечно обруганы и оплеваны, когда молодая красивая моя ровесница не видит меня, не слышит лишь потому, что я еще не имею своей квартиры (лимитчик), не имею машины, не имею большого твердого оклада и т. д.

Считаю, что человека, которому могу рассказать все о себе, сейчас нахожу в лице вашего журнала (не считите за подхалимаж).

Люблю людей, подвергающих все сомнению, т. е. тех, кто пытается критиковать и самостоятельно мыслить. Поражает и влюбляет смелость признать свои личные ошибки.

Ненавижу подхалимов. Подхалимаж разворачивает руководство, руководитель, постепенно привыкая, начинает корнать и карать тех, кто не подхалимничает ему.

Люблю поэтов таких, как В. С. Высоцкий, у которых в стихах все «вдоль обрыва, по-над пропастью». Считаю, что такие стихи подняли меня с колен, распалили и разогнули.

Когда мне было 17 лет, я предавал и лгал во имя справедливости. Но ничего хорошего из этого не вышло. И меня предавали. Мне жаль почему-то людей, предавших меня.

Боюсь дожить до пенсии и ходить, шаркая стертymi башмаками, мозолить глаза кому-нибудь. Боюсь задавать вопрос: уважают ли меня мои товарищи? И умирать боюсь, не оставив ничего после себя, наверное, потомства не оставлю, потому что не хочу жениться. А причина есть: катастрофическое падение нравов. Ведь может так случиться, как в романе С. Есина «Временитель», что жена родит ребенка от своего злейшего врага, и еще хорошо, если ты об этом никогда не узнаешь... А если узнаешь???

Что меня больше всего потрясло? Это может у кого-то вызвать улыбку, в худшем случае — неверие. Меня потрясло осознание мною в 1983 году, что В. С. Высоцкий действительно умер. Я не плакал, но уж лучше бы я умер, а он дожил до наших дней, ведь он жил в тысячу раз полноценнее меня и лучше.

Профессия у меня нужная, но не моя. Сам не знаю еще, кем бы я хотел быть. Много профессий сменил, везде старался работать добросовестно, но удовлетворения не получал. Когда меня хвалили, мне было стыдно и противно, а теперь все же горжусь этим.

Люблю себя за то, что до сих пор не женился на москвичке, что не вошел в чей-то чужой дом, что не оттяпал у них драгоценные квадратные метры, занимаю койко-место.

Хочу задать вопрос своим современникам. Надеюсь, ты, «20-я комната», поможешь мне в этом.

1. УВЕРЕНЫ ЛИ ВЫ, ЧТО ЧЕРЕЗ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ НЕ ГРЯНУТ КАКИЕ-НИБУДЬ НЕОЗАСТОЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ? ПОЧЕМУ?

Кто мне ответит?

Павел Я.

Постскриптум «20-й комнаты». Действительно: в чем наши гарантии того, что перестройка не сдаст своих позиций? Есть ли у тебя на этот счет своя точка зрения?

Каков вопрос — таков ответ

Наша семья с большим интересом и вниманием следит за новым вашим журналом в журнале—«20-й комнатой». Конечно же, мы не могли оставить без внимания «20 вопросов». Собравшись вечером за чашкой чая, мы решили написать ответы на них сообща. Нам показалось, что в ответах должно быть немного юмора, понятного не только взрослым, но и

нашим ровесникам. Эти ответы появились не ради издевки, не ради пустого развлечения. Это всего лишь самые первые мысли, пришедшие нам в голову после прочтения вопросов. Очень хочется верить, что вы, уважаемая «20-я комната», правильно, с пониманием и добрым сердцем отнесетесь к нашим ответам и напечатаете их, пусть даже самым-самым мелким шрифтом.

Заранее благодарим.

Семья из 3-х студентов

г Москва

ТЕЛЕГРАММА:
МОСКВА. СЕМЬЕ ИЗ 3-Х СТУДЕНТОВ. ЮМОР ПРИНЯТ. СО ШРИФТОМ ТУГО. РЕШИЛИ НЕ МЕЛОЧИТЬСЯ. ПЕЧАТАЕМ ПО-КРУПНОМУ:
«20-Я КОМНАТА».

Что для тебя означают такие понятия, как честь и собственное достоинство?

Честь и Собственное
Достоинство!

Ты нашел человека, которому можешь рассказать все о себе?

Конечно, нашел! Это ты, Дорогая и уважаемая Редакция журнала «Юность»!

Ради чего живешь? В чем видишь смысл жизни?

Деньги! Слава! Почет! и еще немного денег для полного счастья.

Кого любишь? Кого ненавидишь?

Нельзя объять необъятное. А почему мы должны кого-то ненавидеть?!

К чему равнодушен? Почему?

К падению курса доллара на международном рынке. Да пусть себе падает!

В какие минуты живешь по-настоящему?

Когда не сплю.

Что потрясло тебя? Может быть, внешне незаметно, но переворачивало душу?

Нарушение закона сохранения барионного заряда!

«Я хотела быть Джульеттой»

Прекрасно знаю, что моему письму не пробиться сквозь стену «запретных тем». Я — не хиппи, не неофашист и даже не наркоманка. Кстати, я не курю и почти не пью. Учусь в институте, хотя и слабо, без энтузиазма. Но стипендию пока получаю. Есть хобби, которое грозит перерасти в дело жизни. Друзья есть, хорошие, а не «просто так приятели».

Как видите, моя проблема не вписывается в круг, ставший традиционным, — пьянство, наркомания, неформальные объединения, одиночество. Но иногда мне становится страшно. Не за себя, я человек в каком-то смысле сформировавшийся: за тех, кто еще не успел ничего понять...

Мне 17 лет, на них и выгляжу, но мне 30 в душе. Хотя это лучше не показывать окружающим. Вот и прикидываюсь малышкой, но не в этом дело.

Я знаю все, что касается отношений между мужчиной и женщиной, не в теории. Порой хочется, чтобы меня за это презирали, но нынче такие вещи если еще не возведены в ранг «доблестей», то уж в порядке вещей несомненно. Ох, и мало же осталось на свете девушек в 17—20 лет! Да и те порой считают себя старыми девами (не в шутку — всерьез), а кой-кто ищет парня хоть на одну ночь, лишь бы не отстать от других. И не отстают.

Самое смешное — меня не мучит то, что я — женщина в 17 лет. Просто пугает безнаказанность. Думала — родители узнают — убьют; ничего подобного. Неделю дома не жила, думала, хоть теперь что-нибудь переменится. Вернулась — и ничего. Скандалили

один вечер. А так как к скандалам дома мне не при-
выкать, стало еще тошнее.

Скажите — «любовь»? Ха! Я в нее не верю. Вернее,
не верю, что парень может любить и не тащить тебя
в постель. Говорить о высоких материях я тоже могу.
И я боюсь, что «сорвусь с резьбы» (как называют это
мои подруги) и пойду по рукам. Потому что я — да-
леко не урод, и кокетства моего на троих хватит.
В общем-то я — индивидуум обычный, серый по сути.
Хотя на поверхности плавает много яркой мишуры,
поговорить я могу на любую тему. А внутри — боль,
которая пришла неизвестно откуда и заставила взять-
ся за письмо. Эта боль мучит многих девочек, я
знаю. И все их выходы — отсюда. Просто некому
сказать: «Держи меня! Будь со мной! Храни меня,
пока не начался джаз!» Да и поздно уже.

А ведь я хотела быть Джульеттой, но... Но я не
стала ждать. Поняла — бесполезно. Да и сама жизнь
подсказывает — лучше быть безответно любимой, чем
любить безответно. А если у тебя есть парень, то не
переспать с ним просто непристойно. Вот и стано-
вимся такими, как все. С виду у нас все в порядке —
приводов в милицию нет, общественного осуждения
нет, выговоров в институте и то нет. А личная жизнь
нынче неприкосновенна.

Света.

г. Ленинград

«Не вырывайте строк из текста!»

Куда ни кинь, везде: почему и зачем? Всем все
интересно, так и норовят в душу заглянуть. Спраши-
вается, для чего? А чтобы потом пометке плюнуть.
В самую большую точку!

Вы эти вопросы всем коллективом придумывали?
Такое впечатление что один человек в здравом уме
никогда бы их не задал. Да я не поверю никому, кто
скажет, что он не личность, мол, не дорос еще пока.
Ничего, как родился, стал «волком», включился в
борьбу за выживаемость, так, значит, и стал лич-
ностью.

А что такое независимость? Это когда от тебя ни-
чего не зависит. Такая независимость всегда при мне.
Главное — никаких усилий делать не приходится.

Честь же — это страх значиться дерьмом, которое
не отмывается. Я раньше боялся, когда мир мне
представлялся в розовых красках. Теперь же нет.

А с советским достоинством совсем напряжен-
но. Меня толкнул — я в морду. Но ведь это не то. Мо-
жет, у меня и есть зачатки собственного достоинства,
но хилые. Ведь не осознал я пока, что это такое.

Что значит, нашел ли ты человека, которому мо-
жешь рассказать все о себе? Другими меня бог не
обидел, и каждому я могу рассказать все. По той
причине, что я терпеть не могу вещи, о которых
нельзя говорить. Все секреты и тайны дурно пахнут.
Но хотят ли они слушать? Это ли критерий одиноче-
ства? Говорить и слушать мало, тут важно понимание,
а с этим пока не очень. В драке мы вместе ля-
жем, но это еще ни о чем не говорит. Одиночество и
непостоянство — достоинства моего поколения. Нечего
кричать, что это ужасно. Надо просто это восприни-
мать. Мы одиноки? Да. Принципы и взгляды меня-
ем? Да. Ну и ладно. Ог этого зубы ведь не перестанут
болеть.

Вопрос о смысле жизни... Сколько раз я слышал,
мол, смысл жизни и не в деньгах, и не в количестве
женщин, и не в «новой волне». Но нельзя вырывать
строки из текста. Суть теряется. Смысл жизни — и
в деньгах, и в девушках, и в восходе, и в звездах. И не
стоит из-за этого вопроса ломать копыя. Смысл имен-
но в жизни, во всех ее составляющих.

Кого люблю — об этом говорить не буду, а ненави-
жу — стукачей. Эту гниду терпеть не могу до помра-
чения. Зачем наше общество нуждается в этих своло-
чах? Если бы не нужно было — их бы не было.

Равнодушен я ко всему, что не находит отклика в
душе. А почему — не знаю. Нет там места для мно-
гих вещей.

Предательство. Это уже из другой оперы. Нет, ни-
кого не заложил. Единственный человек, который на

меня может обижаться, — так это я сам. Себя я не
просто предаю, а продаю. В розницу и скопом. И му-
чаюсь — не продешевил ли? Из-за будущего благопо-
лучия — таскаюсь в институт, из-за денег — подчиня-
юсь родителям. Тошно.

Бывают дни настоящей жизни. Это когда идет де-
ло. Спишишь урывками. Жрешь кое-что и кое-где. Меня
будоражит. Времени нет. Надо сделать много. Лишь
бы успеть. На горизонте перспективы. Я ношусь, при-
колов язык к щеке, чтобы не вываливался. Я всем ну-
жен. Я что-то могу. Я вижу цель. Крупную!

Но это продолжается недолго. За неделю-две ус-
рою все дела, достану все необходимое, схвачу пер-
спективу за радужный хвост. И тут начинается деп-
рессия. Достиг, а зачем? Я понял, что для меня важ-
нее искать, чем иметь. Но не так, чтобы искать всю
жизнь. Я бегун, но на короткие дистанции, на длин-
ных ломаюсь, а без движений и вовсе вроде не живу.

Что меня потрясло? Больше всего — несогласован-
ность речей и того положения дел, которое я увидел
сейчас. Папа мой, коммунист, берет взятки. Ему ры-
бу привозят с Балтики, апельсины с юга. Маленьким
был — радовался. Стал старше — понял, что это взят-
ки. Я поудивлялся немного, а сейчас мне наплевать.
Пусть как хочет, так и живет. И ему плевать на мое
уважение, и так хорошо устроился. Самое плохое, на
мой взгляд, то, что нет веры. А душа без веры, пусть
даже самой абстрактной, пуста. Вера поддерживает
пламень души. Пусть огонь жжет, испепеляя изнутри,
но как радостно чувство, что ты жив. Что я пред-
ложил бы? Я не зову насаждать веру, я прошу не
убивать ее в себе и в других: в бога, в мир, в людей,
в добро. Все равно. Духовности надо ставить на пер-
вое место. За людьми надо видеть личности, а не
только производительную силу.

Э. С., 18 лет.

г. Москва

«Стараюсь быть независимой»

Не знаю, я ли не совпадаю со временем или жизнь
моя с ним никак не встретится. Но я никак не могу
понять, как можно каждый день бегать в бар, курить
по пачке в день (я тоже пробовала — такая гадость,
кошмар!), жить где придется, лишь бы весело было!
Не понимаю, как можно выбирать (выбирать!) ребят
по «фирме», унижаться перед спекулянтами из-за ка-
кой-то шмотки. Это крайности, так называемый «от-
рицательный полюс».

Но до меня также не доходит, как это человек мо-
жет целый день (или вечер, к примеру), сидеть дома,
учить уроки или вести с подобным себе разговоры о
«модах», о «плохих» девочках и мальчиках, о себе,
таких хороших-хороших. А нормальному человеку ни
с теми, ни с другими говорить не о чем. Не знаю, мо-
жет быть, это я ненормальная? Возможно, поэтому у
меня нет друга. В общем, одна я. Совсем. Мне так хо-
чется, чтобы меня кто-нибудь любил. Вот так я жи-
ву в современном мире. Где-то посреднике болтаюсь,
сама не знаю где.

Личность — это человек с устоявшимся мировоззре-
нием, а оно у меня еще развивается и совершенству-
ется, ведь мне всего 16. Стараюсь быть независимой.
Вероятно, и одна потому, что у меня это слишком хо-
рошо получается. Очень не люблю, когда находишься
в зависимости от кого-то (я не имею в виду дружескую
или любовную зависимость).

Скажите, а вы сами знаете такого человека, кото-
рый всегда был бы верен совести, даже в малом? Ко-
нечно, случалось жить вопреки совести. Только я бы
не назвала это «сделкой». Просто обстоятельства за-
давливают.

Честь и собственное достоинство. Ну, честь — поня-
тие какое-то неопределенное и расплывчатое для ме-
ня. А вот собственное достоинство — это, я считаю,
мера уважения к себе, не позволяющая человеку опу-
ститься. Я пока не опустилась, не будет со мной
этого.

Как это, ради чего живу? Родилась. Живу. Хочу уз-
нать все самое важное, интересное, ценное. А по-
том — честно работать, растить детей. Смысл жизни
поэтому в сохранении мира.